

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

М. В. Ломоносова

Прошлое без настоящего социологической публицистики в России: от революционной публицистики П. А. Сорокина XX века к публичной социологии XXI века

УДК 316.7

В статье рассматривается публицистика П. А. Сорокина на материале его статей, написанных в первые годы во время и после революционных событий. Автор рассматривает особое место публицистики в развитии отечественной социологической мысли, приходя к выводу о формировании потребности в публицистике в социальной ситуации нашего времени.

Ключевые слова: публицистика, революция, власть.

Lomonosova M. V. The past without present in the sociological publicism in Russia: from revolutionary publicism of Pitirim Sorokin of XX century to the public sociology of the XXI century

The article deals with Pitirim Sorokin Publicistics on the material of his articles written in the early years during and after the revolutionary events. The author considers the special place of publicism in the development of domestic sociological thought, coming to the conclusion that the formation of the need for publicism in the social situation of our time.

Key words: Publicistics, revolution, power.

В последнее десятилетие в мировой социологической науке одной из наиболее обсуждаемых проблем является вопрос о той роли, которую играет и должна играть социология в решении наиболее

актуальных вопросов современности. Майкл Буравой (Президент Американской социологической ассоциации в 2002–2005 гг., Вице-президент Международной социологической ассоциации по вопросам национальных ассоциаций), придавший этой проблеме институциональный статус [20], [21], выступает за усиление общественной роли социологии, а его научные работы и публичные выступления имеют серьезный резонанс. Он считает, что мир нуждается в публичной социологии, сдерживающей во имя интересов и ценностей человечества необузданную тиранию государства и рынка. В отечественной социологии ситуация несколько иная, данная проблема практически не интересует профессиональных социологов, отчасти это связано с ее зависимостью в советский период от господствующей государственной идеологии, в постсоветский период от рыночных институтов и их целей, а в настоящий момент зависимость от рынка дополняется все усиливающимся влиянием государства. Поэтому вопросы нравственной составляющей социологических исследований и их общественной ориентации отодвинуты на обочину развития отечественной науки. Периодически вопросы о роли и месте социологии поднимаются отечественными социологами (Н. В. Романовский, Е. Р. Ярская-Смирнова, Д. В. Иванов, Е. А. Здравомыслова, В. В. Козловский и др.). Например, Д. В. Иванов считает, что «философия, история, социология становятся аутсайдерами постиндустриального капитализма...без внимания остаются социальные факты, социальные проблемы, социальная солидарность, изучение которых диктовалось заботой о труде, семье, образовании и т.п.» [7, с. 123]. Тем не менее большинство работ в этой области ограничиваются лишь констатацией проблемы, изучением её причин, но не предлагают способов решения этой ситуации, а зачастую и не поднимают этого вопроса, забывая об исторических традициях отечественной социологии. При этом именно они могут послужить тем связующим элементом, который позволит интегрировать отечественную социальную мысль в обсуждение мировым социологическим сообществом проблем становления публичной социологии.

Р. П. Шпакова в своей статье «Завтра было вчера» отмечала, что «...развиваться в России теоретическая социология никогда не могла

и не может — нет традиций, соответственно, нет преемственности...» [18], эту точку зрения разделяет и А. И. Кравченко [10]. Если существование российской теоретической социологии ещё с момента её зарождения на рубеже XIX–XX веков остается открытым дискуссионным вопросом, то «есть другие жанры, в которых отечественная социальная мысль традиционно сильна и практически действенна» [19]. В данном случае речь идет о социологической публицистике, с которой связана специфика становления социологии в России. Ещё в конце 40-х годов позапрошлого века впервые о социологии заговорили не на кафедрах академических университетов, а в кружке известного публициста, литературного критика и общественного деятеля В. Г. Белинского. Далее социологическая проблематика активно обсуждалась на страницах так называемых «толстых журналов»: Отечественные записки, Русская мысль, Вестник Европы, Русское богатство, Современник и др. Начиная с 60-х годов XIX века, основными объединяющими центрами общественной и политической жизни были «толстые журналы», ежемесячники, имевшие обширные политические и общественные разделы, которые, как паровоз, за собой тянули поэзию и прозу. Именно публицистические разделы задавали «генеральную линию», определяли позицию журнала в кардинальных общественных вопросах, эту линию подхватывали и развивали остальные разделы издания. Вот только лишь отдельный пример истории сотрудничества журнала с ведущими социологами: «Ежемесячный журнал» издавался В. С. Миролубовым с 1913 года и продолжал традиции популярного «Журнала для всех», тираж которого в 1903 году составлял 80 тыс., что для России того времени было абсолютным рекордом. Этот успех был достигнут благодаря точному расчету издателя на провинциальную публику, городскую и сельскую интеллигенцию, грамотных крестьян, кроме этого, Миролубову удалось привлечь к сотрудничеству в журнале таких знаменитых писателей, как А. М. Горький, А. П. Чехов, Л. Н. Андреев, А. И. Куприн, В. В. Вересаев и др. В программу журнала входили также рассказы о путешествиях, жизнеописания выдающихся людей прошлого и современности, научно-популярные статьи по гуманитарным и естественным наукам. Нужно отметить, что В. С. Миролубов, в свое время известный певец — бас

Мариинского театра (пел под псевдонимом «Миров»), потерявший голос из-за болезни, был хорошо знаком с П. А. Сорокиным, их объединяло не только сотрудничество в рамках «Ежемесячного журнала», но и общие социально-политические взгляды. В молодости оба увлекались народническими идеями, а впоследствии примкнули к партии эсеров, Миролубов принимал активное участие в издании эсеровского журнала «Заветы», а Сорокин являлся автором многих статей и рецензий в этом журнале. В 1917 г. Миролубов сотрудничал в газете «Воля народа», которая являлась печатным органом партии социалистов-революционеров и правых эсеров, редактором газеты был Сорокин.

Журналы, которые были столь популярны в XIX–XX веках, бесспорно, сильно отличаются от современных периодических изданий. В основном это обусловлено теми функциями, которые были «закреплены» за журналами. Эти функции можно сформулировать исходя из целей и задач, которые ставил перед собой тот или иной печатный орган, базовыми являются следующие:

во-первых, журналы выполняли функцию просвещения. Так, например, целью «Отечественных записок» было «споспешествовать, сколько позволяют силы, русскому просвещению по всем отраслям»;

во-вторых, интегративную функцию. Журнал являлся базой для формирования общественных движений, объединяя вокруг себя своих единомышленников. Об этом же пишет Л. Д. Троцкий в своей статье «Судьба толстого журнала»: «когда мы говорим о «толстом журнале», как об общественно-литературном типе, то имеем всегда в виду не просто периодически выходящие книжки ... — нет, мы имеем в виду журнал, как духовный фокус известной общественной группировки» [16, с. 301].

Особый период в развитии отечественной социологической публицистики начинается после февральской революции 1917 г., когда Россия утратила традиционную легитимную власть и институты власти, формально оставаясь монархией, но фактически являясь республикой. Февраль открыл перед страной несколько возможных путей развития, включая либерально-реформистский и пролетарско-революционный. Их выбор в условиях политической свободы зависел от предпочтений большинства российского

населения и в конечном счете определялся реальным уровнем его политической культуры, менталитетом народа. Особую роль в этот период приобретает публицистика, оказывая непосредственное влияние на общественное мнение, придавая ему определенное выражение и модифицируя его в ту или иную сторону. Развитие публицистики в России было обусловлено не только политическими событиями, но и общими тенденциями развития культуры. Следует отметить, что научная деятельность Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, П. А. Сорокина, П. А. Кропоткина и многих других ученых, публикующих часть своих исследований в жанре публицистики, совпала с «серебряным веком» не только в искусстве и науке, но и в русской журналистике, которая переживала в начале XX века пору своего расцвета, количественных и качественных изменений. В конце XIX в. Россия выпускала книг больше, чем любая страна мира, а к 1905 г., по выводам Н. А. Рубакина, она заняла первое место в мире по объему печатной продукции на душу населения (около 90 млн экземпляров в год) [6, с. 181]. В этот же период усиливаются процессы политизации социальной жизни общества, происходит поляризация старых и новых политических сил страны, и уже к 1917 г. каждая политическая партия, движение и любая влиятельная группа в обществе имели своё печатное издание. Причем общей тенденцией в развитии информационной службы являлся выход на первое место в журналистике газет, тиражи которых стали значительно превосходить журнальные. Газеты, опираясь на более широкую читательскую аудиторию, выходили значительно чаще журналов и несли самую оперативную информацию, тем самым вытеснив журналы с первых мест информационной службы. Ещё в 1884 г. обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, сыгравший особую роль в контроле над журналистикой и литературой страны, указывая на всё возрастающее влияние прессы в общественно-политическом развитии страны, писал: «Газета — с одной стороны — бесспорно в наше время орудие для проведения в публику всякого рода идей, следовательно, и политических, — с другой стороны — орудие спекуляции, дело так называемого гешефта, в коем для приманки покупателей употребляются все средства» [6, с. 174].

Таким образом, Россия в начале XX в. явила миру обилие и разнообразие жанра публицистики. Публицистические произведения публиковались преимущественно на страницах газет и журналов, выходили отдельными брошюрами, помещались в различных сборниках. Самым насыщенным публицистической полемикой был 1917 г. Никогда Россия не знала такого количества публицистической литературы, отражающей смысл и накал политической борьбы. Именно публицистика содержала развернутую аргументацию в пользу тех или иных программных требований одних партий и служила средством критического рассмотрения программ и действий других партий.

Социологическая публицистика — это обсуждение в печати насущных вопросов общественно-политической жизни. Вопросы эти могут быть и предметом научного исследования, но общность предмета не должна вести к смешению области науки и публицистики. Разница определяется прежде всего мотивами: практическим в публицистике и теоретическим в науке; для публицистики изучение, теория всегда лишь средство, ведущее к определенной цели — практическому выводу. Популяризует ли публицист выводы науки или сообщает результаты своего исследования, он делает это не для обучения, а для поучения, не для сообщения знаний, а для воздействия на общественное мнение, политические силы и настроения отдельных социальных групп. Поэтому в область публицистики входят только насущные вопросы, имеющие решающее значение в направлении текущей жизни.

Социологическая публицистика интересна не только тем, что является своеобразной летописью эпохи, прежде всего в ней находят отражение профессиональные и политические интересы авторов, она не лишена субъективного, личного отношения к различным событиям и явлениям. Ярким подтверждением этой мысли является революционная публицистика П. А. Сорокина — одна из блестящих страниц его научного наследия, которая интересна не только тем, что является своеобразной летописью революции. В ней нашла отражение профессиональная и политическая деятельность П. А. Сорокина. Именно на страницах своих публицистических статей ученый-социолог анализирует революцию как социальное явление, пытается

отыскать объективные причины и закономерности происходящих процессов в обществе, тем не менее его публицистика не лишена субъективного, личного отношения к различным событиям и вопросам, что обусловлено принадлежностью П. А. Сорокина к партии эсеров и непосредственным участием в политических событиях 1917 г. В газетах «Воля народа» и «Дело народа», которые являлись печатными органами партии социалистов-революционеров и правых эсеров, а также отдельными брошюрами П. А. Сорокиным за 1917 г. — начало 1918 г. было опубликовано около 100 статей (подписанных как настоящей его фамилией, так и псевдонимами: «В. Вьюгов», «В. В.», «П. С. Римус», «Н. Чадаев»). Кроме этого, поскольку он являлся редактором этих газет, то значительное число редакционных статей принадлежит его перу.

Несмотря на достаточное количество публицистических работ¹ П. А. Сорокина во время и после революционных событий в России и их актуальность, они в массе своей продолжают оставаться вне поля зрения отечественных исследователей. Исключение составляет исследование М. Г. Латышевой «Социологическая проблематика в публицистике Питирима Сорокина» [2], в котором публицистичность представлена как одна из характерных черт российской социологии периода её развития и становления, а также проведён анализ основных направлений публицистической деятельности ученого. Нужно отметить, что именно на страницах публицистических работ П. А. Сорокина представлена эволюция научного осмысления революционного процесса ученым-социологом.

Изначально П. А. Сорокин был сторонником концепции революции, сложившейся в рамках философии Просвещения. В своей статье «Великое освобождение», опубликованной в газете «Дело народа» в марте 1917 г., он писал, что с принятием Временным правительством декрета об отмене сословных, национальных и религиозных ограничений был сделан важный шаг в проведении в жизнь идеала равенства и освобождения личности от различного рода порабощения. Проводя параллели с Французской революцией 1789 года, он считал, что средством для достижения этого идеала

¹ Многие публицистические работы П. А. Сорокина были переизданы в 2000 г. [14].

выступает именно революция, в процессе которой личность отстаивает свои права, причем с каждым моментом истории увеличивается объем прав и свобод отдельной личности. «...Затоптанная в грязь в прошлом, униженная в своём достоинстве, бессильная вначале, прикованная цепями к узким клеткам каст и сословий, в течение истории она (личность) шаг за шагом срывала эти путы, страдала, гибла, распиналась на кресте, сжигалась на кострах, душилась в казематах и ...все же боролась и все же побеждала...» [14, с. 14].

Несмотря на идеологический пафос большинства статей этого периода, в них можно проследить такие установки позитивизма, как безраздельная вера в социальный прогресс и необходимость нормального функционирования основных социально-экономических институтов, а также в достижение социального согласия и равновесия между основными силами (группами) общества: армией, рабочими, крестьянством и буржуазией. Так, например, в своей статье «Возможные конфликты и необходимые выводы» (Дело Народа. 28 марта 1917 г.) П. А. Сорокин приходит к выводу о том, что если в самое ближайшее время правительству не удастся решить основные социально-экономические проблемы, а население страны перестанет воспринимать революцию только как способ достижения максимума прав без всяких обязанностей и не вернётся к своим прежде всего профессиональным обязанностям в новых условиях, то неотвратимо в самом ближайшем времени появление различных кризисов, вплоть до наступления анархии и гражданской войны. Опираясь на объективные факты и показатели социально-экономической ситуации во многих странах Европы и США и не обнаружив среди них даже минимальных предпосылок революции, П. А. Сорокин убедительно доказывает несостоятельность концепции «всемирной революции», на которую опирались члены партии РСДРП при решении основных социально-политических вопросов, в том числе вопроса о прекращении войны.

Как уже было отмечено, в этот период П. А. Сорокин был сторонником системы взглядов на революцию, сложившейся в рамках философии Просвещения и учитывающей исторический опыт предшествующих революций, поэтому в своем анализе он не мог

оставить без внимания вопросы власти и государственного устройства. Опираясь на многочисленные исследования в области теории государства и права, П. А. Сорокин в своей статье «Обязанности власти и обязанности гражданина» (Воля народа. 1 мая 1917 г.) в качестве аксиом использует следующие положения:

В правовом государстве всякий гражданин является участником власти, поскольку он служит делу общественного блага.

В силу этого он несет на себе все права власти, но вместе с ними и все обязанности, вытекающие из принципа социального служения [14, с. 30].

Поскольку, с его точки зрения, Россия перешла от состояния полицейского государства к правовому, то место бесправного обывателя, не несшего на себе ответственности за судьбы всего государства, должен занять полноправный гражданин, имеющий не только все права власти, должностного лица, но вместе с ними и всю ответственность. Тем более что в России право никогда не играло такой роли как на Западе, духовно-нравственная регуляция всегда была более значимой. Например, И. Б. Чубайс отмечал, что «...в прошлом веке большая часть крестьянских бунтов заканчивалась просто-напросто обращением помещика к работникам, то есть “разговором по душам”...» [17, с. 11]. Несмотря на то что революция создала необходимые предпосылки для формирования правового сознания у граждан страны, в реальной жизни П. А. Сорокин наблюдал совершенно иные изменения: в правовом сознании руководителей и широких слоев населения произошел сдвиг, но сдвиг односторонний. «Сознание своих полномочий, сознание своих прав вошло в правовую психику, а сознание связанных с ними обязанностей не проникло вовсе...» [13, с. 31]. Подобные изменения в правовом сознании могут привести, с точки зрения П. А. Сорокина, к полному распаду общества и к анархии, поэтому в статье «Сущность и авторитет власти» (Воля народа. 4 мая 1917 г.), анализируя кризис власти (подробнее о кризисе власти см. [8, с. 458–461]) и опираясь на теорию Л. И. Петражицкого и данные экспериментальной психологии, он даёт следующее определение власти: «...власть — это не что иное, как приписывание определенным лицам — носителям власти — прав приказывать и повелевать, а себе — обязанности

подчиняться, обязанности исполнять эти приказы. Короче говоря, секрет власти — в *психике* человека...» [13, с. 32]. Таким образом, он считает, что частая смена власти приводит к тому, что в сознании населения происходит потеря «авторитета» власти, а в обществе развивается тенденция «недоверия» к власти, её низвержения, её непризнания.

Анализ проблем власти и государственного устройства не случаен ещё и потому, что посредством него П. А. Сорокин подходит к наиболее важной проблеме революционной России — вероятности наступления реакции. В своих публицистических статьях, объединенных в рубрике «Заметки социолога» [4], П. А. Сорокин ставит под сомнение идеалистическое понимание революции и, опираясь на реальные события в стране и исторический опыт других стран, предлагает взвешенный, объективный подход к анализу данного явления. Прежде всего он предлагает следующую схему революционного процесса: «...всякая революция в своем развитии проходит два этапа: в первый период революционный маятник, раскачавшись, сносит все старое и в своем движении вперед достигает своего максимума: затем начинается второй этап: революционный маятник начинает ползти обратно, отдает одну позицию за другой, пока не останавливается на одном из пунктов, довольно далеко от ранее достигнутой максимальной точки ...таковы стадии большинства революций вообще...» [13, с. 44]. Исходя из этой схемы он прогнозирует наступление диктатуры в России, при условии, если правительству не удастся решить ряд основных вопросов: стабилизация экономической жизни, прекращение внутри- и межпартийной борьбы «социалистической части общества». Но самая главная причина, способствующая наступлению реакции, — отдельные вспышки гражданской войны, вызванные недовольством итогами революции широкими слоями населения. Причем П. А. Сорокин опять обращается к психологии в поисках объяснительных моделей. Продовольственный кризис, отсутствие стабильности, такие злоупотребления «свободой», как убийства, грабежи, погромы, поджоги, кражи, привели к изменениям в сознании тех групп населения, которые приветствовали и поддерживали наступление революции. Для Сорокина важным

показателем является появление так называемой эмоции порядка: «Дайте хоть какой-нибудь порядок, пусть скверный, но все же он лучше беспорядка!» — такова эта формула порядка, и теперь уже достаточно явственная и осязательная...» [13, с. 45]. Следует отметить, что уже в публицистических работах этого периода можно проследить влияние отдельных положений коллективной рефлексологии В. М. Бехтерева, в соответствии с которыми именно внешняя среда влияет на нервную систему индивида и тем самым определяет образ его мыслей и действий. В.М. Бехтерев считал, что общество как бы осуществляет социальный отбор, создавая «нравственную личность», и, таким образом, именно социальная среда является источником развития человека. Наследственность же задает лишь тип реакции, но сами реакции воспитываются обществом. Бехтерев отстаивал очень важную мысль о том, что во взаимоотношениях коллектива и личности приоритетной является именно *личность*, а не коллектив. Более детально П. А. Сорокин развивал идеи бихевиоризма и коллективной рефлексологии в своем исследовании «Социология революции». Здесь же важно выделить положения относительно взаимосвязи общества и личности. В начале июля 1917 г. появляются статьи П. А. Сорокина, в которых приведен анализ кризисных явлений в стране [8, с. 461–463] и их возможных последствий. Он даёт следующую характеристику этого периода: «...мы живём в такое время, когда приходится выбирать не между опасностью и безопасностью, не между порядком и беспорядком, а приходится выбирать из многих опасностей — наименьшую, из многих беспорядков — минимальный и наиболее спасительный...» [13, с. 95], поэтому в своей статье «Логичные вопросы и нелогичные ответы» (Воля народа. 11 июля 1917 г.) П. А. Сорокин выдвигает единственную и единую цель для правительства и его членов — спасение страны, страны не как названия, а страны как символа 170 миллионов *живых человеческих личностей*, и эта цель должна быть выше частных интересов. Ради достижения этой цели Временное правительство обязано, с точки зрения П. А. Сорокина, всеми мерами противиться акту Финляндии о независимости, имеет право ограничить конституционные гарантии для большевиков, может ввести какие угодно налоги на капиталы, имеет право не допустить

сокращения числа рабочих часов и т.д. Если в мае 1917 г. Сорокин высказывал только предположения по поводу вероятности наступления реакции, то два месяца спустя он констатирует свершение этого, видя в реакции «трагедию революции» в России. Кроме этого, он уточняет свою схему революции, выделяя уже не два, а три её этапа: «...первый — этап подъема, этап её начала и роста, второй — наступающий после первого — этап обратного поворота революционного маятника. Раскачнувшись влево и достигнув максимального отклонения, он начинает ползти обратно. Третий этап — этап окончательного установления общественного равновесия, закрепления того нового порядка, который представляет среднюю равнодействующую между старым режимом и тем положением революционного маятника, который являлся максимальным его отклонением влево. В зависимости от ряда условий это окончательное положение общественного равновесия бывает ближе то к последнему, то к первому пункту...» [13, с. 97].

На примере событий, свидетелем и участником которых он являлся, П. А. Сорокин показывает, с чего начиналась революция и к чему она пришла. На первом этапе революции были установлены такие пределы личных прав человека и гражданина, каких не знала ни одна страна. Принудительная основа общественного порядка заменена была основой, покоящейся на доброй воле, на полной свободе. Уничтожено было неравенство всех форм и видов: и сословное, и религиозное, и национальное. Амнистированы были и политические, и уголовные преступники. Отменена была смертная казнь. И снова Сорокин обращается к индивидуальной психологии: «...люди опьянели от свободы, вспыхнули тысячи appetitov. Появились тысячи сепаратизмов...Каждый требовал удовлетворения. Ни один не хотел знать, уместно ли в данный момент его требование или нет; вредно ли оно для того *целого, частью которого он является*, или нет...» [13, с. 98]. Далее Сорокин, не вдаваясь в детали внутриправительственной борьбы и анализ действий отдельных личностей, наделенных властью, констатирует наступление второго этапа революции и введение различного рода ограничений свобод: увеличение числа арестов, закрытие газет, замена «аргументов логики аргументами приказов». Он пишет, что «...социологу не интересно,

чьими руками совершается это обратное отбирание даров революции. Ему важно лишь, что это так...» [13, с. 99]. Но важным для него является тот факт, что трагедия революции, как эхо, откликнется в тысячах душ тысячами личных трагедий. Трагедий, заключающихся в том, что это самоограничение революции тысячи революционеров принуждены будут делать собственными руками, будут отрицать то, что утверждали, прибегать к средствам, которые они отрицают. Причем наступление второго и третьего этапов революции в России П. А. Сорокин связывает не с объективными характеристиками протекания данного процесса, а с тем, что значительная часть общества оказалась неподготовленной к предоставленной революцией свободе и злоупотребила ею, установив вместо «порядка свободы» «беспорядок анархии». Кроме этого он обращает внимание на роль политической пропаганды (более подробно см. [14]) как средства влияния на сознание индивидов, групп, общества для достижения определенного результата. Будучи сторонником позитивизма, он считал, что развитие общества, его прогресс зависят от уровня общественного сознания, которое во многом определяется образованием. Поэтому в 1917 г. Сорокин опубликовал около 20 отдельных работ: «Автономия национальностей и единство государства», «Формы правления», «Что такое монархия и что такое республика?», «Проблема социального равенства», «О свободах: неотъемлемые права человека и гражданина» и ряд других, посвященных самым актуальным проблемам и направленных на самые широкие слои населения. Самой показательной является работа «Что такое социализм?», в которой он предпринимает попытку объяснить, в чем заключается сущность социализма. Эта необходимость была продиктована прежде всего осознанием интеллектуального разрыва между народом и интеллигенцией, поскольку 80 % населения оставалось неграмотным, в то время как ещё в конце XIX в. культурная и научная элита России получила всемирное признание. Как отмечают в своём исследовании А. О. Бороноев и П. И. Смирнов, объективной предпосылкой революционных изменений в стране был факт «глубочайшего социального расслоения русского общества, глубочайшего отчуждения между русской элитой и народом, в первую очередь,

отчуждение между дворянством и крестьянством» [3, с. 147]. Поскольку П. А. Сорокин всегда ясно осознавал своё призвание — работу в области просвещения, с одной стороны, а с другой — преследовал определенные политические цели, то появление подобных агитационно-просветительских работ было закономерным явлением.

Итак, в работе «Что такое социализм?» он прежде всего, следуя академическим традициям написания научных работ, дает определение понятия «социализм». Социализм, с точки зрения Сорокина, это *учение о новом, будущем устройстве общества и общественной жизни, совершенно отличном от современного капиталистического уклада*. Поскольку Сорокин осознавал, что для большинства читателей будет недоступным понимание основ социально-философских аспектов марксизма, опуская их, он просто проводит сравнительный анализ между современным устройством общества и его будущим состоянием. Следует отметить, что с точки зрения методологии подобное сравнение недопустимо или, по меньшей мере, некорректно, но с точки зрения политической пропаганды — весьма успешный прием. Тем не менее П. А. Сорокин выделяет три основных различия.

Первое различие заключается в том, что «современное общество построено на начале борьбы одного человека с другим, на начале неравенства людей, а действиями отдельных людей руководит чувство эгоизма» [15, с. 2]. И это состояние общества с неизбежностью должно быть заменено более лучшим порядком, в основе которого лежит принцип достижения не «узко личного», а общего блага путем взаимопомощи и братской любви.

Второе различие между современным и социалистическим обществом заключается в том, что в первом случае неравенство людей «пропитывает всю ткань общества», а во втором случае не должно быть никакого неравенства и каждый человек должен иметь одинаковые права.

Третье, и основное, различие состоит в устройстве хозяйственной жизни народа, а именно в том, что современная хозяйственная жизнь построена на начале частной собственности, а это, в свою очередь, является главной причиной всех недостатков современного общества.

При этом основной акцент этого вопроса П. А. Сорокин смещает в сторону проблемы частной собственности в сфере промышленного производства, доказывая неэффективность капиталистического уклада в экономике отдельных стран и мира в целом. Основные аргументы, которые он приводит в доказательство, заключаются в отсутствии планомерного упорядочивания хозяйственной жизни и в зависимости рабочего от капиталиста, что в итоге приводит к кризисам. Это основное различие является одновременно и главной причиной всех недостатков современного общества, поэтому уничтожение в будущем социалистическом обществе частной собственности, т.е. «обобществление» или социализация фабрик, заводов и других средств производства, приведет к ликвидации классовых различий, к исчезновению вражды людей друг к другу. Сорокин отмечает: «...уничтожение частной собственности введет в жизнь заветы: братства, равенства, свободы и отсутствие угнетения человека человеком» [15, с. 4]. Далее он утверждает, что «...такой порядок осуществим не скоро. До него ещё не созрели люди. Лишь шаг за шагом возможно его воплощение в жизнь. Хотя и медленно, но человечество, несомненно, идет к этому светлому будущему. Хотя и не скоро, но все же социализм наступит. Задача каждого из нас — стремиться к нему и работать в этом направлении» [16, с. 4]. П. А. Сорокин ясно осознавал, что провозглашение идеалов социализма — пустые слова и лозунги, с помощью которых проводилась агитация среди населения, и в своих работах пытался донести до сознания широких слоев населения иную альтернативу развития страны, опирающуюся на достижения революции, с одной стороны, и с другой — на осмысленные и целесообразные реформы. Как уже было отмечено, в это время Сорокин занимал пост секретаря премьер-министра А. Ф. Керенского и ещё надеялся, что созыв Учредительного собрания позволит объединить демократические силы России и избежать угрозы большевизма и анархии.

После событий 25 октября и прихода к власти большевиков П. А. Сорокин продолжает активно публиковать свои статьи и работы, в которых открыто выступает против новой власти, считая её незаконной. В своей статье «Совершено великое преступление» (Воля народа. 26 октября 1917 г.) он, анализируя ситуацию захвата власти

большевиками, приходит к выводу о том, что, поскольку социальный базис поддержки большевиков очень узок, им не удастся удержать власть в течение длительного времени. При этом Сорокин критикует большевиков за то, что они не учитывают интересы самого широкого социального слоя в России — крестьянства (около 85 % населения России). Здесь можно обратиться к трудам известного историка М. И. Ростовцева, который считал, что «проблема русского крестьянства — одна из наиболее важных и трудных проблем в прошлом и настоящем России..., а лихорадочный способ захвата земли и простейший способ её разделения между живущими по соседству с помещьем является ... крайне отрицательным явлением как с моральной, так и с экономической точки зрения и отбросит Россию назад, в шестнадцатый и семнадцатый века, а экономические результаты сделают её легкой добычей для более развитых соседей» [12, с. 187–188]. В свою очередь Сорокин писал: «...большевики ссылаются на волю Съезда Советов. Но, во-первых, там не представлено крестьянство, нет и полного представительства армии. А без голоса *крестьян и армии* какой же съезд может считать свои решения за голос всей страны! ... Фактически переворот означает факт отрыва маленького революционного ядра от всей страны, общее настроение которой не только не подвинулось влево, а напротив, за последние месяцы качнулось вправо. Общая масса, разочарованная и уставшая от политики, впала в общественную апатию и обнаружила склонность к реакции, а не к диктатуре большевиков. Данный переворот — отдельное проявление той анархии, которая охватила страну» [13, с. 173]. В этом с П. А. Сорокиным можно полностью согласиться, так как между Февральской и Октябрьской революциями произошло полное уничтожение государственной власти, поскольку изначально ни Временное правительство, ни Петроградский Совет рабочих депутатов почти никакой реальной властью не обладали. Но оба эти центра больше всего боялись «реакции» и главную опасность видели в армии. Поэтому в первые месяцы после Февральской революции значительные усилия были направлены на ослабление армии. Серьезные последствия повлек за собой так называемый «Приказ № 1», в котором предписывалось всем воинским частям подчиниться выбранным комитетам, оружие передать под их

контроль и не выдавать его офицерам «даже по их требованию». Приказ, положивший конец всякой дисциплине, был санкционирован Временным правительством и Петроградским Советом. Разрушение армии велось непрерывно и целенаправленно. Верховное командование обязали произвести чистку генералитета и уволить несколько сот генералов «консервативных взглядов». В результате армия стала небоеспособной, а во второй половине 1917 г. стало очевидным, что страна воевать не может, наступила полная анархия, в условиях которой власть могла захватить любая радикально настроенная группа.

В 1908 г., ещё задолго до событий 1917 г., Н. А. Бердяев писал: «...после потрясений нашей революции, после всех её неудач, много новых проблем остро ставится перед сознанием русской интеллигенции, о многом теперь приходится тяжело задуматься, и многое кажется теперь не таким ясным и простым, как казалось раньше. Революция с особенной остротой поставила проблему государства и власти. Застарелая ненависть к исторической власти, к данным формам правления и данному правительству мешала ясной постановке проблемы государства и власти в интеллигентском сознании» [2, с. 124]. Если революция 1905 г. «с особенной остротой поставила проблему государства и власти», то революция 1917 г. не только не решила эту проблему, но и обозначила много новых проблем — в том числе и проблему самой революции как социального явления и как средства достижения определенных политических целей. Поэтому все эти проблемы нашли отражение в публицистике и в активном развитии социально-философской и политической мысли России. Если изначально П. А. Сорокин был сторонником системы взглядов на революцию, сложившейся в рамках философии Просвещения, то затем, колоссальный личный исторический опыт, грандиозные события первой половины XX в. — политические изменения, революции, локальные и мировые войны, свидетелем и участником которых он был, — наложили отпечаток не только на публицистику революционного периода, но и на формирование его социологической концепции революции в целом.

Публицистика в целом — сложный источник, поскольку в ней содержатся эмоции, личные впечатления, выпады, оскорбления,

намеки, часто встречается фальсификация фактов. Именно поэтому при исследовании публицистики того или иного автора стоит уделять основное внимание цели, времени и месту того или иного публицистического выступления, а также личности самого автора.

Возвращаясь к общему анализу социологической публицистики, нельзя не отметить ещё один аспект ориентации публицистики на будущее. И здесь опять стоит обратиться к прошлому отечественной социальной мысли. В начале XX века в России наряду с социально-политическими утопиями научно-фантастические романы с утопическими чертами заполнили книжный рынок. Не только такие известные писатели, как А. Куприн, Е. Замятин, М. Булгаков, вдохновлялись великими открытиями в естественных науках, но и многие знаменитые ученые — К. Циолковский, И. Мечников и др. — наряду с научными монографиями и статьями писали популярные очерки и работы, насыщая их утопическими идеями. Несмотря на это, в отечественной науке практически отсутствуют специальные исследования, посвященные утопиям. Рассматривая основные проблемы современной социологической теории и определяя статус социологического знания в гуманитарных исследованиях, Р. Дарендорф особое внимание уделяет именно утопиям. Выделяя общие черты и структурные признаки утопических конструкций, исследователь приходит к выводу, что значительная часть социологической теории обладает этими признаками и «оперирует утопической моделью общества» [5, с. 338]. Он считает, что большинство теоретических подходов «фактически предполагают утопический образ общества, когда к социальным структурам прилагаются категории, характерные для неподвижных обществ» [5, с. 338–339], что наносит заметный ущерб прогрессу социологических исследований, поэтому предпосылка утопического образа общества должна быть заменена реалистичным подходом к анализу социальных структур и процессов. Тем не менее Дарендорф, оценивая роль утопий в обществе, показывает, что история утопий представляет собой историю моральной и политической ветви человеческого мышления, так как их авторы знакомят «свои эпохи с тревогой за недостатки и несправедливости существовавших тогда институтов и ценностей» [5, с. 346].

Следует отметить, что социологическая публицистика в России надолго прекратила своё существование вместе с существованием социологии как академической дисциплины в 20-е годы прошлого века, на короткий промежуток времени вернувшись на страницы средств массовой информации в 60–70-х годах на волне «хрущевской оттепели». Главный редактор «Журнала социологии и социальной антропологии» В. В. Козловский отмечает, что «...в современной российской социологии не предлагается удовлетворительных объяснений и оценок таких феноменов, как доминирующие и альтернативные социальные практики; рост социальных проблем, отчуждение и конфликты этнонациональных и религиозных культур... Жизненно важная социальная тематика требует пристального внимания и осмысления со стороны заинтересованных читателей и авторов. Необходимая для российской общественности и политической сцены экспертиза тонких социальных структур в условиях резких экономических сдвигов, правовых перемен, новых жизненных траекторий поколений только формируется...» [9, с. 6].

Ключевым вопросом в дискуссии современной социологии по поводу места и статуса публичной социологии [1] является в конечном счете извечный вопрос о том, должен ли социолог принимать участие в общественной и политической жизни, а если должен, то каким образом? Может быть, на этот вопрос можно найти ответ, обратившись к историческому прошлому отечественной социологической публицистики? Тем более что М. Буравой отмечает в своих работах наличие реальной потребности в широкой популяризации теорий и концепций теоретической социологии и в критическом пересмотре многих теоретических положений в свете наиболее острых и актуальных проблем современности.

1. Burawoy M. What is to be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World // Current Sociology. Vol. 56. No. 3, 351-359 (2008).

2. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон+, 1998. С. 124.

3. Бороноев А. О., Смирнов П. И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб.: Санкт-Петербургская панорама, 2001.

4. Воля народа. Май — Октябрь 1917 г.
5. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М. : Праксис, 2002.
6. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX — XX вв. М. : Аспект Пресс, 2001.
7. Иванов Д. В. Социология в России: институциональная и концептуальная структура // Российская социология: история и современные проблемы : сб. научных статей, посв. 70-летию заслуженного деятеля науки России, академика РАЕН, почетного профессора СПбГУ А. О. Бороноева. СПб. : Изд.дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2007.
8. История России : в 2 т. Т. 2: С начала XIX в. до начала XXI века / под ред. А. Н. Сахарова. М. : Изд-во АСТ, 2005. С. 458–461.
9. Козловский В. В. Социология в российском контексте // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 1.
10. Кравченко А. И. Социология мнений и мнение о социологии // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 41–48.
11. Латышева М. Г. Социологическая проблематика в публицистике Питирима Сорокина : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2005.
12. Ростовцев М. И. Политические статьи. СПб. : Наука, 2002.
13. Сорокин П. А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб. : Алетейя, 2000.
14. Сорокин П. А. Славянофильство наизнанку. Опьянение от слов // Воля народа. 1917. № 116, 120, сентябрь.
15. Сорокин П. А. Что такое социализм? Пг.: Револ. мысль, 1917.
16. Троцкий Л. Д. Судьба толстого журнала // Литература и революция. М. : Политиздат, 1991.
17. Чубайс И. Б. Как преодолеть идентификационный кризис. Россия в XXI в. // Мир России. 2000. № 2. Т. IX (социология, этнология).
18. Шпакова Р. П. Завтра было вчера // Социологическое обозрение 2003. Т. 3. № 3. URL: <http://www.sociologica.net/s9/09sta2.pdf>
19. URL: <http://csi.sagepub.com/cgi/content/short/56/3/351>
20. URL: <http://pubsoc.wisc.edu/news.php>
21. URL: <https://webfiles.berkeley.edu/~burawoy/PS.htm>